МАРГАРИТА СОСНИЦКАЯ

Золушка не прощается, или Школа счастья

Маргарита Сосницкая

Золушка не прощается, или Школа счастья

«Издательские решения»

Сосницкая М.

Золушка не прощается, или Школа счастья / М. Сосницкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654215-0

Юная Харианна случайно попадает на площадь, где кружатся в танце люди в кринолинах и фраках. Очарованная этим волшебством, она решает присоединиться к школе исторических танцев «Маска радости». Но мир танца оказывается не только гармонией и красотой, но и борьбой за место под солнцем, где сталкиваются амбиции, зависть и жажда совершенства. Сможет ли Харианна обрести своё счастье в этом вихре страстей?

ISBN 978-5-00-654215-0

© Сосницкая М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог на площади 6
Глава 1 8
Глава 2 11
Глава 3 13
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 22
Глава 8 24
Глава 9 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Золушка не прощается, или Школа счастья

Маргарита Сосницкая

Редактор Дмитрий Смирнов

© Маргарита Сосницкая, 2025

ISBN 978-5-0065-4215-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог на площади

Центры старинных городов – это салоны,
Меблированные антиквариатом зданий,
Когда-то восходили здесь на троны,
Записывали предыстории сказанья.

Самыми великолепными салонами старинных городов были и остаются площади. Дворец, храм и колоннада – своего рода декорация стен, посредине которого пульсирует водной лилией фонтан – сердце площади, осыпая все вокруг сверкающим бисером брызг. В ясный день, под солнцем, в окружении кордебалета облаков, площадь делается великолепнее Рафаэлевых полотен, а если же ко всему она выходит на набережную реки, озера или моря, тогда и не всякий зал Зимнего дворца или Версаля может сравниться с завораживающим очарованием такой площади-салона, глядящейся в водное зеркало.

Юная особа, – неужели сошедшая с полотна Лукаса Кранаха Старшего?! – с простыми и ясными чертами открытого лица, по-детски припухлого, с затянутыми в тяжелый узел на затылке светло-ржаными волосами, в белой майке, широкой льняной юбке в цвет волос, с тощим рюкзачишком за спиной, и сандалиях цвета древесной коры, шагала по улочке, напевая модный мотив: «И сад мой пенится сиренью», когда до ее слуха долетели звуки иных времен. Времен померкшей позолоты, витиеватых кружев, расписных вееров, кринолинов и бархаток с хрустальной каплею на шее. На что же они похожи, кринолины? На перевернутые чашечки колокольчиков, тюльпанов, парашютов?

Девушка ринулась в поток музыки, долетающей из улочки, которая впадала в площадь. За живой стеной людских спин были видны мелькающие пары танцующих: дам в пышных платьях, кавалеров в кителях и фраках. Она просочилась сквозь стену спин и вышла на площадь.

Примерно двенадцать пар плели кружево танца: две пары соединяли руки в центре, и танцевальным шагом двигались каруселью в одну сторону, сделав круг, меняли руки и устремлялись в обратную, разбивали круг и кружились друг вокруг друга, меняя партнеров и чередуя руки, подаваемые в вихре кружения. Сдвинувшись на одну пару вперед, повторяли цикл. Это была живая симметрия, пришедшая в движение, круглая кружевная скатерть, одушевленное золотое сечение, простое и гениальное волшебство прядения гармонии в её геометрическом воплощении. И всё это точно под музыку. Да какую музыку! Как само кружево танца, легкую, размеренную, изысканную. Музыка окрыляла, переносила в иные времена и измеренья, в мир Анжелики и короля, дворцов, салонов, Трианона. А ещё кружили голову платья из удивительных, забытых, но тут же воскресших в памяти, тканей: парчи, набивного муара, и, конечно, царя всему – невесомого, летящего шелка шепчущих полутонов и атласно-шампанского блеска. Конечно, немного провинциальные эти наряды, но в этом своя прелесть! С шелковыми кружевами и оборками, взлетающими под музыку. Правда, одна мадам танцевала в спортивном костюме, и это кололо глаза. Но разве червоточина – не признак здорового яблока?

– Как им это удаётся?! – раздавались восхищенные возгласы в толпе.

– Такой узор!

– Как можно выстроить такой узор?

– Да еще так быстро?! Легко и просто?!!

Девушка, завороженная чудом, представшим на блюдечке площади, была захвачена им, исчезли чувства, мысли, а был только восторг, восторг – до изнеможения. И, слыша возгласы вокруг, давалась диву: ба! да мысли мои гуляют в толпе и подают голоса. Рассмеялась тому

тихим, воркующим смехом, озарившим её лицо мягким светом, а глаза засияли, как росинки на зеленой траве.

Танец закончился; по площади, со странным названием Лёгкие, порывом ветра прокатился шелест аплодисментов. Один из танцевавших, смуглый брюнет довольно высокого роста, заговорил в микрофон, прикрепленный на лацкане.

– Ансамбль «Маска радости» исполнил для вас-с-с, вальс-с-с «Кентского герцога»! Каждый желающий может легко обучиться этим-м-м танцам. В прош-ш-шлые времена их танцевали не только в салонах, но и на площ-щ-щ-адях, графини и горничные, маркизы и маркитантки, короли и кухарки! Эти танцы не знали сословных и временных барьеров! Они примиряли всех со всеми и со всем-м-м. Пусть не насовсем. М-м-мадам! – виртуозно поклонился он старушке из толпы. – Разрешите вас-с-с пригласить на вальс-с-с.

Но старушка замахала руками:

– Нет, нет!

Он не менее виртуозно повернулся к толпе и выкинул вверх руки:

– Кто ж-ж-желает отведать вечный танец?! Вкусить с-с-само время?!

Девушку будто кто-то толкнул, не в спину, а изнутри, и она раньше, чем поняла, что делает, уже бежала по площади, отбросив в сторону рюкзачок, раскинув руки:

– Я! Я! Мне! – и, резко затормозив, предстала перед кавалером.

Он подхватил ее под крылья, их вместе, как ветер, подхватил вальс и понёс, кружа, по периметру площади Легкие. Кавалер вел точно, уверенно, это передавалось девушке; давно ль она кружилась на выпускном балу? Точно, сильно вёл кавалер, но и мягко, – мягко же и оставил ее и увлёк другую даму, подоспевшую из толпы. Девушка по инерции чуть не упала, и упала бы, если бы ее не подхватил другой кавалер во фраке, который и довел ее до остановки движения, дотанцевал с ней повороты. Кто-то подал ей брошенный рюкзачок.

– Спасибо, – хлопнула она себя по лбу запястьем, – я и забыла. Все забыла напрочь, забылась.

Вальс закончился. В микрофоне раздался тот же голос:

– Дамы и господа, ждём вас в школе «Маска радости»! Милые барышни, раздайте пригласительные! Мы проводим занятия каждую неделю с сентября по июль в клубе Пенелопы! На первый урок вход свободный!

Барышни в кринолинах рассыпались по площади, раздавая яркие афишки. К девушке с рюкзачком подпорхнула одна из барышень, всколыхнув воланы пышного платья нежного салатного цвета, обрамлявшего оголенные плечи, розочка с лентами во впадинке декольте украшали его по подолу и были приколоты в высокую прическу. Ручкой в плену белой атласной перчатки она протянула ей пёструю афишку:

– Приходи, у тебя здорово получается, – обворожительно улыбнулась она. – Я – Милена.

– Просто фея! – в упоении пропела девушка.

– Фея? Ты Фея? – обрадовалась Милена.

– Нет, нет, это ты фея! Я Харианна!

– Харианна, – повторила Милена, протягивая афишку кому-то рядом и уходя по кромке толпы.

– С вами был ансамбль «Маска радости» из Международного сообщества танца и его бессменный маэстро Лукиан Саларьев! – вещал микрофон.

Харианна спрятала афишку в рюкзачок и покинула площадь, просочившись сквозь толпу.

Глава 1
Коктейль эмоций

Между видением на площади и началом танцевального курса была пропасть величиной в летние каникулы. И Харианна прыгнула в нее, как пловец с трамплина. На дне плескалось сине-зеленое море. Качаясь на его волнах или бродя по сосновому бору, хвойным палантином наброшенном на взморье, она вспоминала видение на площади Легкие, и улыбка брезжила на её лице.

Миновало лето, на смену явилась осень в бальном золотом платье – за каникулами пришли будни. Для Харианны это были новые будни в рядах счастливого студенческого братства на первом курсе факультета логософии в Институте Нейролингвистики.

На пробный урок «Маски радости», она явилась, когда ансамбль был уже в сборе. Все обратили на нее подзорные трубы оценивающих взглядов.

– Ура, опа! – заорал танцмейстер Саларьев, вскинувши руки, будто древний человек в молитве о дожде. – С нами Харианна! Добро пожаловать в мир сказки, мир вечного танца! Ура, ура!

Она улыбнулась и невольно поёжилась: по залу, несмотря на множество присутствующих, гулял холод.

– Знакомимся! – пустил ее по кругу танцмейстер.

Первым был знойный римлянин с античным профилем, высокий и подтянутый:

– Северин. Очень приятно, – проговорил он юношеским баском, подавая руку.

– Наш герой! – безостановочно комментировал Саларьев.

– О-очень, – ответила на рукопожатие новенькая.

Из-за спины его появилась Милена («Точно камея!» – восхитилась Харианна):

– Привет!

Они обнялись, как старые приятельницы. Харианна уловила теплый аромат ее русых волос, распущенных по спине, и дружеский взгляд голубых глаз.

– Звёздочка наша! – представил Милену танцмейстер.

Затем был черед полной, крепкой дамы:

– Роза! – представилась она, не разнимая губ.

– Великая Роза! – не смолкал танцмейстер.– А большая так уж точно.

«Кубик», – обозначила ее для себя Харианна.

Рядом стояла маленькая, похожая на сушёный абрикос блондинка в ботфортах:

– Клавдия!

«Кого же она мне напоминает?» – улыбалась Харианна.

– Мишель Мерсье! – ответил на ее мысли Саларьев, ставший сейчас конферансье.

Затем была худенькая, кротко-смиренная, будто святая, женщина:

– Мария, – робко улыбнулась она.

– Ты еще попробуешь булочки нашей Марии, Санта Лючии! – пообещал конферансье.

За ней:

– Ян Покленов, – высокий, подтянутый гусар, облагороженный залысинами, блестевшими, как полировка на дорогой мебели.

– Это лорд дизайна! – не замолкал Саларьев.

За ним показалась юркая особа женского пола с прозрачными голубыми глазами и выдающимся носом:

– Геката! – присела она в шутовском реверансе.

– Звездочка, это что-то с чем-то, ваще!

«Право первой ночи в этих краях не осталось бесследным», – старалась не выдать своего шока новоприбывшая:

– Харианна!

– Так может просто Анна? – предложила кубическая Роза.

– Да нет, – отшатнулась Хари.

Затем представился штатный фотокор-любитель с висевшим на животе рылом объектива, наведенным на всякого встречного:

– Пометов Теодор, – псевдолюбезно улыбнулся этот обрюзгший… впрочем, еще далеко не старик. – Фотография – это метка момента. И слепок его. Пометов! Не Помётов.

Далее следовали две сестры, Флора и Лаура, крепкие, туго сбитые, рослые брюнетки с одним кавалером на двоих, Жорой, похожим на кенгуру при росте жирафа, за ними Гарик Арлекинов, сухощавый человек, раскрывшийся в глубоком реверансе:

– Магистр театра марионеток!

– Вот уж где и правда, имя – знамя сути, какую фамилию дадут, тем и будешь работать, – прокомментировал Саларьев.

И так далее, еще с дюжины человек в цветных балахонах, узких лосинах, пестрых размахаях, что смешалось в голове Харианны в один пестрый балаган: «Неужели они все в таком виде будут танцевать? Ведь придется иметь с ними дело».

– Ты уже занималась танцами? – не смолкал Саларьев.

– Да, давно.

– Балетом?

– Да.

– Ну, я ж вижу. Осанка. Балетных за километр видно, – не останавливался Саларьев. – Ну, всё, всё, – забил в ладоши. – Теодор покажет нам слайды с нашего последнего бала!

Моментально был спущен белый экран, пригашен свет, и Пометов стал проектировать снимки, сделанные в музейном дворце на широкой мраморной лестнице, затем в парке с фонтаном, статуями и далее в бальном зале с неопознанным летающим объектом из хрусталя под условным названием люстра.

На снимках дамы были запечатлены в бальных платьях, в диадемах, с цветами и перьями в волосах, мужчины в ливрейных фраках или мундирах с эполетами и лентами через грудь вместо портупеи.

Харианна нахмурилась: эти снимки казались стоп-кадрами из фильма о Сисси, австровенгерской императрице Елизавете, супруге Франца-Иосифа, когда ее бойкотировала ломбардская знать и в знак неприятия послала к ней на прием вместо себя своих кухарок, конюхов, горничных в барских платьях.

– Ах, красавица! Красота собственной персоной! – восклицал Саларьев при виде каждого нового снимка. – Глаз не оторвать!

В самом деле, убранство залов было великолепно.

Императрица Сисси, чтобы не испортить праздник, велела вызывать к ней делегаток и послов своих господ – кухарок, конюхов, горничных – и принимала их так, как если бы они были господами: ведь те являлись на оповещение глашатая о том, что сейчас предстанет пред августейшими очами маркиз де Карабас такой-то или герцогиня де Дюшесс такая-то. Когда маркизы и княгини узнали об этом, они поняли, что проиграли партию: императрица поставила им мат один на всех. Блестящий сеанс одновременной игры.

– Просто красотка! Это красота красоты, – бомбардировал ушные перепонки Лукиан Саларьев.

Красотки же из зала собой не просто любовались, они восторгались, не сводили восхищенных глаз с экрана и всплескивали руками в оргазме умиленья.

Наконец, начался урок. От впечатления, которое он произведет, зависело решение новенькой, ходить или не ходить в школу танцев. Лукиан Саларьев разбивался в лепешку и стелился вокруг мелким бесом, чтобы угодить, увлечь, заинтересовать новенькую.

– Начинаем со «Святого Бернарда», он же шотландский вальс! Хари, разреши! – подхватил он ее, будто для вальса, собственно, это и был простенький сельский вальсок два притопа, три прихлопа, и повел – три шага вправо, топ, топ, три шага влево, топ, топ. В круг два шага, из круга, вальс по кругу, «качели» или же «балянсе», дама кружится под руку кавалера и переходит к следующему. Повтор!… А теперь под музыку! – и включил фонограмму.

И слепой конь найдет дорогу, если вожжи в руках у зрячего ямщика. Харианна влилась в ансамбль на одном дыхании, притопывала, кружилась, любезно обмениваясь улыбками с партнерами, которые больше не казались конюхами, горничными или кубиками, а людьми обходительными, благожелательными и даже обаятельными. Да что там обаятельными?! Добрейшими и милейшими. Наверное, такими, они себя и видели на экране. Голова Харианны шла кругом, она корила себя за скоропалительную резкость первого суждения.

Следующий танец мог танцевать любой, кто запомнил последовательность и направление шагов. Но, что станцуют вдвоем, невозможно станцевать одному, а что могут выстроить в танце две пары, невозможно сделать одной, а уж дюжина пар вообще плетет кружевные чудеса. И простенький танец приобретает необычайную силу, если движения всех слажены точно под музыку, что приводит танцующих в состояние бурного счастья. Харианна не чувствовала тела, кружилась, перекочевывая (или как это здесь называется, прогрессируя) от партнера к партнеру, на месте которого, однако, частенько оказывалась дама – вечная статистика десяти девчонок на девять, а то и на пятóк ребят. Иногда приходилось приседать, чтобы балансировать в «качели» и покружиться с таким партнером в юбке. И, тем не менее, Харианна была в упоении еще в большем, чем на площади Легкие: большая ведь разница – пить воду самому или смотреть, как ее пьют другие.

Саларьев подливал масло в огонь:

– Прекрасно, Хари! Чудесно! Браво!

И скользил по ней взглядом из-под полуприкрытых век: мол, с этой все ясно. Танцманьячка, и у себя на похоронах станцует…

За окном стемнело, и стёкла окон превратились в зеркала; Харианна повторила разученное, но движения её по свидетельству окон были тяжеловаты. Она просто ходила под музыку, а надо было танцевать!

«Легче, легче! Где пресловутая легкость бытия?» – подумала она и увидела в отражении стремящегося к ней Саларьева:

– Легче, легче! – он подлетел и увлек ее в вальс. – Замечательно, прекрасно! Но надо еще работать и работать!

Харианна растворилась в музыке и на лице ее была не улыбка, а печать музыки, отпечаток абсолютного счастья от полного слияния с ее гармонией.

Глава 2
Упоение

Ночью Харианна не могла заснуть. Перед глазами выплывали лица танцующих, сияющие улыбками в круговороте танца, в потоке музыки и уплывали. Улыбки иногда больше походили на оскал, но Харианна этого не замечала. Ей хотелось, чтобы все вокруг было прекрасным, таким она всё и видела. На танцующих были бальные платья и мундиры цветов радуги с их нескончаемыми оттенками; оборки, накидки придавали движениям легкость, летучесть, а движения всех были абсолютно синхронны. Голос свыше с подголоском эха диктовал им текст танца:

– Я буду танцевать и после смерти —
Ухода из оков материальных —
На гребнях волн, на ясном лобном месте
И на рисунках неземных наскальных.

И Харианна танцевала на гребнях волн, в воздушном платье и сверкающей диадеме, легко переступая по их белопенным вихрам.

– Я буду танцевать, как льется дождь,
Легко, уверенно и полноправно.
Он знает, его жаждет рожь,
Леса, цветы, целительные травы.

И она танцевала в потоке слепого дождя в платье цвета бензина, обтекающем фигуру. Под ногами мелькали цветы, травы, как сказано голосом, а он не уставал:

– Я буду танцевать, как лебедь-птица,

Крылом с лучом младенчески играя…

Харианна раскинула руки в широких рукавах белого ситца, над ней раскинул крылья лебедь, и они закружили с ним в подоблачном танце, как Лебедь и Леда.

– Закружат рядом в хороводе лица,

Я не одна танцовщица такая!

И снова выплыли из облака в платьях имперского стиля ампир Клавдия в облике юной Мишель Мерсье, Милена, Мария, мастер Покленов в эполетах, Гекатка – лицо ее скрывало облако, но платье ее малахитового цвета и старательность реверанса не перепутать; Роза, «я тучка, тучка, туча», в розовом платье со шлейфом, глаза ее сияли синевой – все, все были изящны!

Мы будем танцевать и после смерти —
Ухода из оков материальных —
На гребнях волн, на лунном лобном месте…

И все кружились в grande chaîne de dames, то есть в витках перехода большой дамской цепью, выстроив «мельницу» (moulin мулине), меняя руки в движении, кружились на лобном месте под лунным балдахином.

На барельефах арок триумфальных…

Это был апофеоз, все застывали в потоке танца, и покрывались слоем мрамора. Какая-то женщина с лицом ацтекского божка стала фигуркой из мрамора розового каррарского на громадной триумфальной арке на Кутузовском проспекте. А где же мэтр?!

Арка дала трещину, стала разъезжаться, образуя черный туннель, в туннеле засветились черные огоньки и двинулись на неё. Из туннеля кто-то шел в красном цилиндре и в маске из потемневшей бронзы. Харианна протянула руку, чтобы приподнять маску, но идущий в черном трико, уклонился: «Не тронь!» Подул ветер, сорвал маску, и та улетела черной вороной. Под маской был черный провал. Харианна с криком проснулась и бросилась в ванную, открыла воду и взмолилась:

– Куда вода, и сон туда! Куда вода, и сон туда!

Вода журчала и весело разбрасывала брызги.

– Стоп! – Харианна резко закрыла кран. – Зачем же, куда вода?…

Побежала в комнату, достала новую записную книжку и размашисто вывела на ней: «Глоб-бальная тетрадь», затем записала в ней стихи из сновидения.

Громко прочитала три раза и расхохоталась.

Теперь она знала: танец вошел в ее жизнь навсегда.

Глава 3
Похмелье

Недели летели быстрее листков с отрывного календаря.

Харианна ходила по улицам вприпрыжку, закрепляя до механичности танцевальные шаги, оттачивала их у всякого зеркала, а с ними поклоны, реверансы, повороты головы согласно правилу золотой середины, непринужденности и непосредственности.

На уроки танца она мчалась со скоростью ветра. В этот вечер у самого входа столкнулась с черноволосой женщиной, телосложением и лицом, похожей на ацтекского божка. Харианна вздрогнула: да она же… из моего сна!

Та рассеянно, онирически улыбнулась:

– Привет! – и вошла в стеклянную дверь.

Харианна скользнула за ней.

На занятии эта женщина спокойно прерывала поток речи Саларьева замечанием или уточнением; он замолкал, морщил лоб, заглядывал в распечатку хореографии танца и кивал:

– Да, дорогая! Ты права!

Или:

– Диана, радость моя, ты всегда права! Я совсем закрутился! – и исправлял погрешность.

Из чего Харианна заключила, что эта дама – супруга танцмейстера Саларьева. У скакавшего рядом Арлекинова спросила, кивнув на Диану:

– Жена?…

Он не дал ей договорить:

И жена, и супруга и нет лучшего друга и всем нам мать – ибо она организовала нашу «Маску радости», она живой компьютер – все знает и помнит наизусть, танцы, переходы, движения. Монстр! Ничего не забывает! Уникальная память! Это голова нашей секции, вдохновитель и организатор всего! Она – папа Карло нашего кухмейстера на уроках! Ха-ха-ха, кухмейстер – танцмейстер, у танцев своя кухня!

Кухмейстер же, как всегда, не щадя ушных перепонок присутствующих, оповестил:

– А теперь Французская кадриль! – голос его дал трещину визгом.– Повторяем первые две части! Не забываем поворачивать голову, общение с партнером. Ради этого общения, может, трехсекундного, может, и танцуются эти танцы. Ты, Хари, посиди, тебе еще рано кадриль плясать!

Харианна, бросившаяся было взгляд утопающего Арлекинову, отошла к стенке, сгорая от любопытства узнать, что же это за диво дивное, к которому, она, рвущаяся в бой, точно конь в атаку, не готова.

Арлекинов пожал плечами, отвернулся:

– Французская кадриль пережила французскую революцию!

– Как сказать, – усмехнулась Харианна, – революция продолжается.

Кадриль, как о том сообщает ее название, танцуется квадратом *каре*, выстроенным из четырех пар, которые стоят первая напротив третьей, вторая – напротив четвертой и соответственно исполняют поочередно один и тот же цикл танца. Самая большая ответственность лежит на первой паре, так как остальные повторяли рисунок за ней. Все фигуры имели французские названия. Начинается кадриль «английской цепью», chaîne anglais, нечётных пар, состоящей из двух ходов конем навстречу друг другу с чередующимся податием рук и возвращением на место.

Зазвучала музыка, бравурная, мажорная, пары ринулись в танец. Харианна у стенки попыталась копировать их движения, но это оказалось невозможным, ибо весь секрет заклю-

чался во взаимодействии танцующих или же, выражаясь модно, в их интерактивности. Харианна наткнулась на стену. Танец невозможно выучить глазами, его, чтобы впитать, надо учить всем существом. А тем более, если речь идет о светских танцах, где узор выстраивается всем миром. Светские вышли из народных танцев. Или у них у всех один исток? Хотя у общего потока могли быть встречные направления в разные времена.

В третьей части надо было плясать новый шаг en arrière, с выбросом правой ноги в полет – в сторону. Простой шаг. Но в темпе стремительного танца, мелькавший слишком быстро, Харианна не успевала его уловить. Она подбежала к Диане, сидевшей на столе у стены:

– Покажите мне этот шаг, пожалуйста!

– Э-э-э, – вяло протянула Диана, – не все так просто. Не гони лошадей. Потихоньку освоишь. Ты ведь только начала…

Харианна не поняла. Вернее, поняла, что ей отказывают. Но почему, из-за чего и чего ради?! Разве все здесь не влюблены в танец и не жаждут его процветания?

– Дорогая, свет очей моих! – кричал Диане Саларьев.– Возьми себе в пару Флору, она что-то тормозит сегодня.

Подбежала пышная Флора в два раза выше и шире Дианы.

«Странно, – усмехнулась Харианна, – такая нежность с любезностью напоказ. Они что, на стадии развода?». Она отошла к стенке. Выброшенный на скалы обломок шхуны, наблюдавший, как в небе проносятся поднятые паруса облаков. Фигуры танцующих двигались перед Харианной, как заводные, перед глазами поплыли картины Яронима Босха, изображающие столпотворение на площади. Босхическая толпа пришла в движение, следуя чертежу Французской кадрили. Суфлерские подсказки танцмейстера заглушали музыку:

– Дозадо! Demie chaîne anglais!

– До заду задом! – хохотнул Арлекинов, и все было за ним, да шикнул Саларьев:

– Что за вульгарность, господа!

Босхические господа танцевали, будто бурили ходы в пустоте, с упрямством, напором, сосредоточенностью. Дозадо – это когда партнеры обходят друг друга спиной к спине. У кого-то мелькнул хвост, у кого-то копыто. «Зообосхизм», – отмахнулась от наваждения Харианна, взгляд ее упал на часы.

Прошло пятнадцать минут. Светские танцы не рассчитаны на зрителя, они не спектакль, они действо, в котором заняты все присутствующие. А с методическими остановками и учебными повторами, кадриль становится нескончаемой.

«Целую четверть часа я топчусь у стенки в ожидании чего? Время дороже денег. Тем более, урочное. То бишь, платное. Вот тебе, бабушка, и то бишь – to be or not to be».

– Перерыв! А теперь перерыв! – прокричал Саларьев, когда закончился последний, пятый тур кадрили.

Пары рассыпались по залу. Харианна обратилась к Флоре:

– Покажи, пожалуйста, шаг анаван, анарьер, медленно.

Та завиляла спиной до копчика:

– А вдруг Лукиану не понравится, что я делаю его работу. Это же его хлеб. Нет, лучше попроси его. Или Диану.

– Понятно, – улыбнулась гуттаперчевой улыбкой Харианна.

Теперь ей действительно стало всё понятно.

Глава 4
Держи голову по ветру, а спину прямо

На всякое «нет», есть интернет.

В нем отыщется ответ на все вопросы, кроме главных. И Харианна распахнула на мониторе дверь в страну кадрили. По запросу вышла добрая дюжина видеозаписей. Она выбрала такую, как была на уроке, и разучивала новый шаг с пофазовыми остановками ролика. Все действительно было предельно просто, эти танцы ведь танцевали не солисты балета и даже не кордебалет, а всякий желающий танцевать. Главное, запомнить на механическом уровне схему и шаги, когда уже танцуешь, как ходишь – не думая. И Харианна неутомимо зацикливала этот шаг перед зеркалом. Ноги были, как деревянные.

Она махнула рукой и легла спать.

Шаг-то она выучит. Но где взять семерых партнеров? Ведь кадриль пляшется четырьмя парами. Не со стульями же танцевать?

И ночью ей привиделся танец с деревьями на поляне. Березы-дамы корнями вверх, кроной вниз, крона превращалась в кринолины; они даже созвучны: крона – кринолин… впрочем, и корона… Но коронами на корнях были венки из ромашек, маков, лилий, из них же сплетены оборки и бонбоньерки на груди и по подолу. Клены – это были кавалеры, шагавшие корнями по земле и колыхавшие кронами в воздухе… б*удто крепче сжимали руками своих волос качнувшийся пузырь*.

Харианна в круговоротах кадрили с деревьями носилась в зеленом платье, сама себе казалась такой же березой. Дух захватывало, и дух воспрянул, стремительное движение-кружение пережгло все огорчения. Танец – мистерия божественной стихии.

Утро вечера мудренее трава соломы зеленее, и наутро Харианна знала, что надо делать для усовершенствования своего танцевального искусства. Уроки танцев проходили трижды в неделю для трех уровней: начального, продвинутого и профессионального. Если на первых двух разучивали новые шаги и схемы танцев, то на третьем их закрепляли, отшлифовали и пополняли новыми танцами классический набор бальных книжечек, бишь программок с танцевальным репертуаром, называемых в Европе карнетами. А новые танцы представляли собой перетасовку и вариацию уже известных фигур и шагов, но ведь и вся музыка состоит из семи нот, как вся латынь и греческий из двадцати четырех букв. Все искусство композитора, музыканта или поэта заключается лишь в ловкости их сочетания.

Харианна пришла на занятия с запасом времени, рассчитывая застать мэтра Саларьева один на один. Но зал был заперт, и она сидела на каменной лестнице, как тоскующий сфинкс.

Явились все сразу: мэтр с гурьбой плясунов: кубическая Роза, обрившая голову, отчего стала кубом в квадрате, Клавдия в неизменных ботфортах и боевом экзотическом раскрасе, старушка Инга из старой гвардии, за немощью угодившая в ряды начинающих, Петруша – главный трофей жизни Гекаты, она сама не пожаловала-с, а еще Северин – знойный рыцарь Милены, вездесущий Арлекинов и другие, чьи имена Харианны путала, слишком уж они распространенные, но для себя одного из них обозначила человеком в футляре, он всегда с Юлькой, другого пионером, так как он всегда готов был приволокнуться за любой из дам в отсутствии супруги, являвшей образец типажа Элизабет Тэйлор в коктейле с Раневской в молодости. Перед уроком они заседали в соседней кофейне и вот явились все сразу, как снег на голову Харианны.

– Анна! – выкрикнул мэтр Лукиан Саларьев.– Вива Анна!

Что прозвучало как «Виванна»… Харианна было возразила: «Никакая ни ванна», да запнулась, замялась, заминку превратила в улыбку.

Урок тронулся.

После разминки Саларьев показал трехминутное видео «Павильонный вальс». В Трианоне, роскошном излюбленном уголке самой бедной из королев, на лужайке у фонтана со статуей, у которой вода лилась из пояса вверх по траектории перевернутого тюльпана вокруг талии и тут же спадала вниз, образуя колокол прозрачного водного кринолина, три пары, выстроившиеся в две шеренги лицом друг к другу, танцевали под звуки арфы и клавесина. Ливрейные кавалер раскланивались со своей дамой, забаррикадированной рюшами, кружавчиками, воланчиками, бантиками, розочками, затем с дамами справа и слева. Первая дама и второй кавалер брались за руки, кружились на месте вправо. То же проделывал первый кавалер и вторая дама. Затем вся шестерка танцующих бралась за руки и вела хоровод восемь шагов pas de Bure в такт музыке туда и обратно. Первая и вторая пара брались за руки, образуя два каре, и встречно обходили друг друга по периметру каре, это был pusset или же тяни-толкай. Третья пара, держась за руки, кружилась на месте. Цикл этот повторялся трижды и завершался вензельным росчерком финального поклона.

Все ахнули в восторге от очаровательной простоты танца:

– Браво! – захлопали в ладоши. – Простенько и великолепно!… Гениально!.. Какая рафинированность! Изыск!… Грация во плоти танца!

И Харианна сияла, как солнце в зените.

Вбежал Ян Покленов:

– Пардон! Тысячу раз! Клиент задержал… Клиентка… корсет слишком узкий.

– Привет, Ян! Переобувайся!

– Что за экстаз? – поинтересовался он, надевая чешки.

– Мы глотнули нектара с амброзией, – загадочно прошептала Милена.

– А, может, чего-то другого нанюхались? – пошутил Ян, поймал за руку Харианну, оказавшуюся буквально под рукой и стал с ней в ряд танцующих. Стали разучивать это павильонный этюд танца, он свивался легко и красиво, плавно и размеренно. Повторив цикл танца раз двенадцать, усвоили так, что, казалось, и во сне – маленькой смерти – будешь помнить.

Перерыв был заслуженным. Кто пошел покурить, кто просто точил лясы:

– Вот я пришел на танцкурс, чтоб расширить круг своих клиентов, а точнее, клиенток, – откровенничал Покленов.– Их пока не нашел, зато познакомился с такой милой, фарфоровой девушкой, как Харианна.

Роза потянула воздух носом:

– Ты про Аньку-то? Блондинка. Чем волосы белее, тем извилины прямее.

Ян удивленно оценил взглядом ее лысину:

– Ну, знаешь, рыженьких вообще в костер бросали. А против блондинок холодная война не прекращалась. Им все завидуют, их очерняют и при этом все красятся в блондинок. На метеостанциях, между прочим, используют барометры, механизм в которых держится на волосах блондинок. Волосы эти, меж прочим, наивысочайшего качества и чувствительности. Редко кто красится в брюнетку. И уж точно не блондинка.

– Да уж, – впервые вышел из футляра человек, имени которого Харианна не помнила, – в Риге проходит ежегодный парад блондинок. Исчезающий вид.

– А ты откуда знаешь?! – возмутилась его востроносая Юлька, кстати, брюнетка.

– Так Европа ж, – и человек тут же спрятался в футляр, будто улитка. Юлия кивнула: мол, ничего, ничего, мы еще поговорим про парад блондинок.

«Ах! – разглядела очевидное Харианна.– То-то они всегда вместе, муж и жена».

Три хлопка в ладоши при акустике этого зала оглушили, оповестив о командах мэтра, последовавших, как гром после молнии:

– А теперь крепкий орешек: Французская кадриль! Танцуют все, кто знает танец! Кто не умеет, не танцует!

– Кто не работает, тот не ест, – усмехнулась Харианна.

– Хари, тебе еще рано кадриль, – распоряжался мэтр танца, – понаблюдай пока.

– Но я хочу выучить эту кадриль, – возмутилась она, – а не стоять за кадром.

– Всему свое время. Не спеши в камыши.

Харианна вышла из зала на террасу:

– Ах-х-х, убиться и не жить, – она стала следить за танцем через стеклянную дверь, повторяла проходку «шаг с прыжком – шаг – закрест – шаг» туда и обратно; тут, главное, чтоб шаг был с подскоком, это придавало движению легкости и стремительности. Закрест, кстати, – это шаг накрест. Но фигуры, требующие участия четырех и более танцующих, в одиночку повторить нельзя. Один в поле не воин, а путник. Один в светских танцах не балерун, но баран.

После кадрили гоняли набившего оскомину «Святого Бернарда»; топанье каблуками, как копытами было солдафонским, не для изящных дам: Харианна смягчала свои притопы.

Урок закончился, и она перехватила мэтра на выходе:

– Простите, я хотела….

– Да, что ты хотела, крас-с-с-савица! – как обычно, паясничал он.

Харианна смутилась:

– Ходить на два урока в неделю.

Саларьев прищурился в улыбке:

(«Где я видела эту улыбку?! – сверкнула молния в памяти).

– Не-е-ет! – проблеял мэтр.

– Но я же буду платить за уроки! Я вообще ходила бы и три раза. Один раз – это тормоз, почти не в счет!

– Не-е-ет! – остановил её мэтр.– Дело даже не в деньгах.

– Как же, – опешила Харианна, – кто платит, тот и заказывает музыку… Или сейчас не капитализм?

– Нет, нет, ты и так скачешь вперед семимильными шагами. Люди и так ропщут, что я тебя вперед протаскиваю.

– Протаскиваешь?… Ропщут? Вместо того, чтоб радоваться чьим-то успехам?! – Харианна теряла Дар Речи.– Я ведь только сдвинулась с мертвой точки. Меня поздравить бы надо!

– Поздравляю! Да, надо! Но люди протестуют. Мне уже высказывались, – кривлялся мэтр.

– Они больные! Им лечиться надо! А не кому-то жизнь калечить.

– Ну-у-у, – кивнул мэтр, расставив руки, – не спорю, согласен руками, ногами, если хочешь, рогами, – он потряс головой, – но поделать ничего не могу. Народ обидится и разбежится. А мне нужна массовка.

– Обидится, что я научилась танцевать?

– Ты научишься. Два-три года и будешь, как заводная балеринка в музыкальной шкатулке. Тогда никто рта не откроет. А так нельзя, чтоб ты за полгода освоила то, на что у других ушло три. Несправедливо! Где равенство?

– Ах, несправедливо?! Тогда зачем ездить на «Тесле», если можно и на «Жигулях»?

В зале погас свет. Что ни делается, все к лучшему. В темноте в памяти вспыхнул портрет Ленина. Он лукаво улыбался. И улыбка эта была такою же, как у Саларьева, Лукиана.

Глава 5
Времени в вечности нет

Началась первая в жизни Харианны экзаменационная страда. Она ломала голову, как раздвинуть время, сделать его безразмерным. Ведь это возможно, коль существует вечность! Ей-то, вечности, без разницы, сколько длится час – шестьдесят минут или триста. Раздвинуть время – это как расширить дом: сломал стену и построил новую на десять, сто метров дальше. Хотя, наверное, это есть хроноутопия, повод для сказки, а в мире материи это нарушит весь круговорот циклов в природе, спать-то клонит, когда солнце село. Ведь Хронос против Хаоса! Хронос – устроитель порядков и организованности. Но, несмотря на хроническую нехватку времени, доводящую до таких фантасмагорий, Харианна все отставила бы ради танцев. Иначе что это за жизнь? Сухарь в плесени, каша без масла, макароны без сыра, камин без огня, питье из пустой кружки. Танец в ее жизни будет всегда. Наравне со словом. Танец и Слово – ее два крыла, она поднимется на них в небеса, ибо в Слове и Танце можно совершенствоваться до бесконечности, сей подруги (или сестры?) вечности. Это же контрданс, который танцуют пространство и время, которые могут сказать друг о друге: «*Мой вечный визави в кадрили*».

По городу танц-курсов, как грибов после дождя, от аргентинского танго до бальных спортивных, но светские исторические архивные танцы Саларьева были единственными в радиусе пятидесяти километров. А у Харианны и так запарка, время дороже денег. Что так и есть всегда и в любом возрасте. Но не сразу мы это замечаем.

Харианна впервые не пошла на занятия «Маски радости». Нашла видео в вездесущем, стала сама разучивать танец. Полупотерянное время. Но и стоять в сторонке под стенкой и хлопать ресницами, глазея, как танцуют другие, – время вдвойне потерянное, ибо еще и оплаченное. Танец осваивают не глазами да ушами, а ногами и руками. Усмехнулась, вспомнив Саларьева: ну, еще рогами… этими антеннами. Он открыл группу общения в айфоне, туда-то она и послала сообщение, можно ли на будущей неделе прийти на два урока, ибо на этой не смогла по причине экзаменов. Что было чистой правдой: грызть гранит науки – это вам не песни петь.

Саларьев ответил молниеносно: «Приходи».

Харианна воспрянула: наверстает упущенное и разучит что-либо поинтереснее, чем два притопа, три прихлопа.

Мэтр встретил ее бурным приветствиями:

– О, какая пунктуальность!

– Точность – вежливость королей, – парировала Харианна на комплимент.

– Отлично! Мне нравится эта поговорка!

– Английская, – уточнила она.

– Однако, подождем остальных, – мэтр указал Харианне на стул, а сам стал тараторить по мобильнику.

Харианна посмотрела на часики. Стрелки страшнее танка: даже если их растоптать, время будет бежать. И тикать, тикать, оглушительно тикать, бить набат громче колоколов. Первою появилась брюнетка Маруся, почти бальный профессионал, на ходу переодеваясь, вытащила из сумки чешки:

– А ты что тут делаешь? – удивилась, увидев Харианну.

У той дыханье сперло:

– А ты?

– Ну, я понятно.

– А я не понятно?

Группа была в сборе. Харианна тоже переобулась. После разминки Лукиан Саларьев хлопнул в ладоши – в ушах зазвенело:

– Начинаем разучивать контрданс «Дыра в стене». Hole in the Wall. Так в GB назывались подворотни незаконной торговли виски или что они там пили при рыжей кошке Елизавете I… Hole in the Wall

– Hole? Ноль, – произнесла Харианна.

Все повернули голову в ее сторону. Она смутилась:

– Дыра нолеобразна, имеет форму Ноля, потому и Hole…

Роза потерла пальцем висок:

– Ты английский с деревней не путай!

– Танцуем в две колонны, – командовал парадом мэтр, – джентльмены и джентельдамы друг против друга. Хари, ты пока понаблюдай. Тебе еще рано браться за, кхи-кхи, «ноль» без палочки, – и метнул ей взгляд Ильича.

У Харианны сбилось дыхание: то есть, как понаблюдай?! Она что, бросила грызть гранит науки накануне экзаменов, чтоб тут у стенки хлопать *бабочкообразными* ресницами?

Глава 6
Урок мазурки, или Геометрия танца

Не клином же сошёлся свет на Лукиане Саларьеве и его оскаленной «Маске радости»! Но легко сказать это в столицах, где повсюду реклама танц-школ и обществ исторического танца вроде «Бал в старинной усадьбе» или «Немецкая слобода», а здесь, в провинции «Маска радости» – одна окрест на сто верст.

Харианна повесила объявление на своем факультете «Ищу визави для бальных танцев минувших столетий». Поклонники на эту роль не подходили: у них на уме были потенциальные «танцы» в горизонтали, а это из другой оперы. Но как без партнёра освоить танцы? «Партнер», как и «парень» – происходит от слова «пара», а из пар складывается общий механизм танца, точный, как швейцарские часы, где каждый винтик, шестерёнка, колёсико пребывают в движении. Впрочем, part – это ещё «часть», половинка пары, да и за партой сидят вдвоем. От этих безымянных соучастников она ожидала шквал звонков или хотя бы посланий на электронную почту. Ан, полная тишина. Телефон молчал, как сломанный и отключенный за неуплату задолженности.

«Чушь какая-то! – пожимала плечами Харианна.– Неужели словесникам не до танцев?»

На очередное занятие она отправилась в сопровождении тени отца Гамлета. Жизнь коротка, люди в ней – тени, а искусство вечно. Танец – искусство. Искусство ли? Сама жизнь, коль она танцует, как дышит! Это дыхание прана йоги. После бурных приветствий, началась разминка и повторение пройденного. Повторение – мать учения, утешенье дураков. Так неутешительно звучит продолжение известной до половины пословицы.

Новым танцем была мазурка из киноленты Лукино Висконти по роману герцога, князя, гранда и писателя в одном лице по имени Джузеппе Томази ди Лампедуза, по его знаменитому роману «Леопард». Танец на экране начинался со второго такта мелодии. Лукиан в этот день ввёл методику видеоурока. Практически то, что Харианна уже применяла дома, запуская видеозапись и останавливая нужный стоп-кадр, чтобы поэтапно или буквально пошагово разучить тот или иной шаг или пассаж танц-схемы. Только дома разве что со стулом потанцуешь, а тут нужна толпа, народ из которого и вышли светские танцы. Один в поле уж точно не танцор.

– Контрданс – кавалеры напротив дам в две линии. Начинаем с левой! – выкрикивал мэтр. – Хлопок, ладушки по диагонали, дама правой, кавалер левой! Повторили!… Два раза, я сказал! Проходка, дамы вправо, кавалеры влево.

– И дамы, и кавалеры, каждый в своей шеренге вправо, – проскрипела Диана, его супруга.

– Стоп! – хлопнул себя по лбу мэтр.– А я что сказал? Совсем очумел.

Диана авторитетно проворчала:

– Кавалер вправо… – она протанцевала проходку: шаг, шаг-закрест, шаг, в своем стиле БТРа, который везде пройдёт и не забуксует.

– Ах, да! – снова хлопнул себя по лбу мэтр. – Кретин! Совсем крыша едет, а дом стоит! Спасибо! Любовь моя! Звезда жизни! —и для перепроверки запустил видео.

Танец на экране был действительно красив. Диана танцевала в ряду кавалеров: их по вечной статистике была нехватка; впрочем, она не танцевала, она двигалась под музыку именно, как часть заводного механизма; она давно оттанцевала свой потенциал легкого дыхания, – не зря балерины уходят на пенсию лет в тридцать.

После мазурки из «Леопарда» перешли на галоп, который можно плясать с разбегу в карьер, особо не разучивая, разве что установив, в какой последовательности должны выходить, точнее, выбегать пары из спиралевидно заверченного круга. Танец – это точная геометрия. Из точек составляются линии.

Харианна летала на крыльях упоительного счастья, не чувствуя тела, да и никто его не чувствовал, ни кубическая Роза, гонявшая галоп, как шкаф на колесах, ни бой-бабы Флора и Лаура, ни их жираф Жора, ни козлобородый Арлекинов, и без того всегда пар*и*вший, как шар на нитке, – никто из мелькавших вокруг лиц на этом празднике по будням. Лица разрумянивались, глаза горели, здоровье било ключом. Харианна любила всех и знала, что в эту минуту, во власти танца, и все любят всех. А что ещё нужно для счастья?

Глава 7
Вальс с табуретом

Кавалеров не хватало, хоть застрелись. Во многих школах танца в условиях приема был прописан пункт: «Набираем пары и кавалеров: дамы есть».

Танцевать же в паре с дамой, будь то девица или синий чулок, было занятным до поры и до определенной черты. Например, Гранд полонез или мазурку, где кавалер опускается на колено, а дама кружится вокруг. И танцевать их двум дамам почти так же абсурдно, как двум кавалерам. Да, жажду можно утолить водой, шампанским, лимонадом, но никак не простоквашей.

Звонков на объявление Харианны о том, что она ищет кавалера для исторических танцев XIX века, по-прежнему не поступало, и как же тут было ни растеряться в догадках, где его взять. Не останавливать же встречных на улице. Право, хоть с табуреткой танцуй! Не с торшером же, тот тяжелый. Такое одиночество зачем и как возможно перед угрозой демографического взрыва?!

Харианна закрыла глаза и представила, что подхватила табурет (впервые обратив внимание, что в просторечии его почему-то называют табуреткой) и закружилась с ним в вальсе под фонограмму:

– Как вас зовут?

Вы мне скажите тотчас!

Лишь пять минут

И дотанцеум вальс, дотанцуем вальс! —

пел по-английски Демис Руссос-грек под музыку Второго вальса Шостаковича. Одежда ее в воображении тут же превратилась в белое бальное пышное-препышное, воздушное платье, и она мощно стала мечтать, обнимая табурет, о том, каким должен быть ее кавалер. Конечно, в золотых эполетах, с лампасами, подтянут, высок, строен, умен, обходителен, внимателен, улыбка – море обаяния, и при этом он раскованно танцует, партнерше можно не думать, какой следующий пассаж танца, а к тому же, он еще и благороден, кавалер, с безупречными манерами и вкусами. При этом обязательно играет на музыкальных инструментах, эрудирован и настоящий асс своего дела. Одним словом, рыцарь всех времен и настоящий человек.

Но музыка и танец – явление столь же эфемерное, сколь мимолетное – незаметно закончились. Харианна поставила табурет на место: «И был мой вечный визави в кадрили»; вздохнула: поэтический штрих – а в нем целый мир.

Зазвонил телефон. Солидный баритон в трубке сразу перешел к делу:

– Вы ищете кавалера для бальных танцев?… Нашли?… Ум-гу-у. Тогда я не ошибся…. Нет, нет, никаких предварительных встреч. Где у вас проходят занятия?… Та-а-к, записываю… Как вас зовут?… Я вас найду на занятии.

Харианна повесила трубку. Ха-ха-ха! Как, бишь, я пела давеча?! Под фонограмму… Впрочем, при нынешней технологии «повесить трубку» становится виртуальным действием. Но баритон вполне подходил настоящему человеку. Когда там следующее занятие?

Она явилась на него всё по тому же золотому правилу «Точность – вежливость королей», но все уже были в сборе, среди них новенький… карлик-гигант: человек обликом и конфигурацией горбатенького карлика, с несоразмерно большой головой, но при этом чуть ниже нормального среднего роста. Он был южного типа, с копной черных, волнистых мелкой волной волос на крупной голове и велюровыми черными глазами. Руки его свисали до колен. Саларьев объявил:

– У нас новый участник! Для него этот урок – показательный и подарочный. Представься, пожалуйста!

Карлик вышел вперед и проглаголил елейным голосом:

– Имею честь представиться – архивная крыса. Дышу пылью фолиантов и их содержанием. А вы танцуете на площадях и в парках, на набережных и ярмарках. Движение, музыка и воздух – вот мой лучший доктор. Выбираю танц-терапию. Но зовусь я не Карлом, как вы, дамы и господа, вероятно, предположили, а зовусь я Миколой.

– Прекрасно! – подхватил Саларьев в своем обычном монотоне – превосходной степени восторга. – Для Миколы, вместе с Миколой станцуем «Медвежат». Вот наши дамы, Роза, Лаура, Флора, Харианна, Клавдия! За тобой, друг Микола, сегодня право выбора.

– Милые дамы, – провел большой карлик велюровым взглядом по представительницам прекрасного пола.

– Харианна! – увлек ее за талию танцмейстер и подвел к новенькому.

Она подала ему руку – он пришелся ей чуть выше плеча. Присела в реверансе, новоявленный кавалер ответил ей почтительным поклоном.

Саларьев стал диктовать шаги и фигуры простеньких, как куплет «Мишка косолапый по лесу идёт», незатейливых «Медвежат», в три минуты они были разучены и танцуемы под беспечную музыку. После каждого цикла танца дамы прогрессируют по кругу и меняют кавалеров. Харианна перешла к следующему, Микола же остался на месте. А когда танец закончился; она услышала за спиной низкий баритон:

– Я буду твоим кавалером.

Она резко обернулась, но никого не увидела, кроме этого гиперкарла.

– Галлюцинации, – потерла висок Харианна.

– Но я же лучше стула, – протянул он ей руку.

– Что-о-о?

– Седлов, я хочу сказать, моя фамилия Седлов, – произнес он тонким голосом и снова с достоинством поклонился.

Харианна со вздохом облегчения подала руку.

С той минуты Микола Седлов стал её бальным кавалером. Он был идеальной точкой опоры для того, чтобы судьба Харианны завертелась в сторону перемен в *вирії*, вихре танца. А в нём всякое движение начинается по солнечным часам – посолонь.

Глава 8
Прилет Хратиона

В субботу поднялся такой переполох, как будто прилетал сам бог. Голубоглазый Виракоча, Хуан Динь или Аполлон Дельфийский после своих вылазок на Север. Для участников «Маски радости» таким богом и был создатель и организатор Международного сообщества танцев Хратион – такое он взял себе имя в служении Терпсихоре. По замкам и книгохранилищам Европы он десятилетиями разыскал побуревшие от времени рукописи с *записями хореографии танцев – хороводозаписями*, например, английский сборник издания Джона Плейфорда 1696 лета или же на латыни Доменика из Пьяченцы «De arti saltandi et choreas ducendi» 1455-ого, дешифровал и занимался возрождением их в эпоху технического прогресса, следуя по стопам Эллиса Роджерса и его английского Клуба кадрили XVIII и XIX века, однако, выдерживая почтительную дистанцию с такими идеологами и жрецами танца, как Фабио Моллица и Виктор Вискарди. Уже второй десяток лет школы Международного сообщества танца, МСТ, открывались повсеместно, что позволяло устраивать сводные балы всех филиалов на той или иной городской площади или в садах вроде Летнего, Венарии, Казерты, Шёнбрунна или Тюильри; впрочем, стеклянно-металлические дирижабли новомодных конгресс-холлов тоже привлекали эклектикой эпох и стилей в духе магического реализма живописи; эклектика эпох, когда герои в шелках и париках XVII века оказывались в парящих стеклянных зданиях века XXI, создавала эффект путешествия во времени и производила на зрителя примерно такое же впечатление, как полотна магического реализма Майкла Паркеса или Андрея и Ольги Дугиных. Хратион Лукумов прибывал по своим делам, – а главным делом его жизни были кружевные исторические танцы, – и заодно устраивал стажировку для филиала «Маска радости» Лукиана Саларьева в клубе «Пенелопа». Предвкушался особый праздник только для посвященных в искусство Терпсихоры, то есть для избранных. Начаться он должен был утром и длиться до вечера. Разумеется, с затишьем на обед, для которого участники несли снедь коробами, корзинками и баулами с тем, чтоб сказку сделать былью, то бишь обед превратить в банкет.

Харианна ещё не видела Хратиона Лукумова, и воображала его звездой Голливуда, эдакой смесью Грегори Пека, Марлона Брандо и Вячеслава Тихонова, хотя последний и не из Голливуда, а из другой священной рощи. Все были в сборе, когда в сопровождении Лукиана Саларьева и Дианы, строго инструктировавшей мужа на ухо, появился Хратион. Высокий, подтянутый, как голливудец, но с лицом совсем из иной чащи-пущи. «Но мысли тайныя сурово язвили ясное чело» – прекрасный эпиграф к эго портрету. Лицо было омрачено какой-то тучей, даже когда он изображал улыбку. А изображал он её так, будто позировал на подмостках перед фотообъективами. Хратион произнёс стремительную речь о светских танцах как зеркале эпох и попросил всех стать в круг, ибо их ждут новые танцы, а всякий неизвестный танец, будь ему хоть триста лет, для человека нов.

Разминкой был хоровод под музыку из балета «Коппелия», где все танцуют со всеми, отправляя даму по кругу, станцевав с ней цикл рисунка – звено в цепочке танцевального меандра. Точно так плетется кружевная скатерть: один и тот же узор повторяется по концентрическим окружностям.

Но когда перешли к бравурной кадрили Лансьеров (или же Лансье), по сравнению с которой кадриль Французская покажется незамысловатой простушкой, Хратион не отступил от своего правила «танцуют все», не разделял присутствующих на продвинутых и начинающих, на способных танцеввать и способных копать, на видных и неказистых, да и зачем? Жизнь и время сами расставят всех по своим местам, каждого сверчка усадят на свой шесток. Задача Хратиона – дать всем и каждому по максимуму. Он показывал и объяснял фигуры, затем дик-

товал их, суфлировал в процессе под музыку, а сам танец представлял собой лавину, уносящую с собой: кто-то уже хорошо знал схему и уверенно вёл новичков. Опытных танцоров в группе всегда большинство. Но ещё увереннее вела сама музыка, музыка! Вступающие в «Визитах» – предпоследней, четвертой части барабаны – и мёртвых из могилы поднимут! Под их бравурный, ураподобный бой по коже прокатывались волны восторга, радости и счастья и изливались в телодвижениях танца. Не зря ведь перед битвой ввека гремели боевые барабаны. Даже в авральном переходе Суворова через Альпы шли барабанщики полудети. Барабанный бой начинает бой. Воздействие его посильнее шоколада, шнапса или наркотиков, барабаны заряжают дух, а дух – есть знаменоносец плоти. И Харианна пылко полюбила барабаны.

Полный же триумф наступал в части финальной, когда все дамы двигались по кругу в одну сторону, а кавалеры им навстречу, сплетая венок grand chaîne, т.е. большою цепью, поочередно подавая правую, затем левую руки друг другу. Потом пары выстраиваются друг за другом и исполняют шассе круазе (перекрестный шаг) и балансе. Восторг! Восторг! Восторг!

После него и пища богов покажется безвкусной.

Однако, меню обеда во время перерыва могло поспорить с банкетным на Большом балу. Дамы принесли причуды своего кулинарного искусства: Роза – пирог-лабиринт, начиненный различными начинками – утиным паштетом, жюльеном и прочей нераспознаваемой всячиной, которую дважды не попробуешь в одном пироге, Милена и Северин пирог с инжирным вареньем и грецкими орехами, Флора и Лаура – поднос мини-бутербродов с семгой, Мария – бисквитного лебедя, Покленов – запеченную утку с апельсинами, босхическая Геката – кордебалет куриных лапок на блюде с бумажной кружевной подтяжкой на косточке, лапок, иначе называемых котлетами де воляй, Клавдия, та, что была похожа на Мишель Мерсье, котелок рисовой каши со спаржей, Пометов – корзину экзотических фруктов, Саларьев и Диана напитки, Харианна огромную коробку шоколадных конфет, и поскольку на столе были сыры, овощи, зелень и прочее, то и это кем-то было принесено. Возможно, Арлекиновым, прыгавшим выше всех и расточавшим прибаутки:

– Кто не танцует, тот не ест. А кто ест, тот есть. Ха-ха-ха!

Гость, Хратион, подойдя к столу, развёл пустыми руками:

– Да тут пир на весь мир! Честно говоря, я приустал от уставного бального меню, а здесь наше нёбо ждут новые открытия!

– Ура Хратиону! – рявкнул Саларьев.

И все, конечно же, вторили ему:

– Ура, ура, ура!

Что было кличем: «Налетай!»

– Кто не танцует, тот не ест! – выкрикнул Арлекинов, нагружаю свою тарелку лакомыми кусочками.– Не ест со вкусом! После танцев изощренный аппетит. Хочется чего-то такого, сам не знаешь, чего!

– Это да, – произнес Хратион, и его обступили со всех сторон. – Танец пробуждает аппетиты! В XIX веке приглашавшему кавалеру запрещалось шарить взглядом по дамскому декольте, он должен был смотреть ей в глаза, при этом наклонившись не более чем на сорок градусов. А ведь это совершенно естественный интерес мужчины к женщине. И ему, и ей ведь приятно. Пресекновение естественных инстинктов развивает неестественные.

При этих словах Саларьев, уплетавший куриную лапку, перестал жевать, кинул взгляд на жену, та перехватила его и резко отвернулась.

– Но танец не умирает, он преодолевает любые безумства эпох, – продолжал Хратион. – При Наполеоне дамы обливали водой платья, чтобы они облегали их фигуру. И проделывали это даже зимой, когда кавалеры грелись в шерстяных фраках. Это тот случай, когда не красота, а понятие о красоте действительно требует жертв. А вообще, красота требует денег. Всегда.

– Да, да, денег! – возвопили со знанием дела окружающие.

– Я, например, – высказалась Маруся, – видела у антиквара веер, простой бумажный большой веер, но ему двести лет, и на нем нарисована придворная сценка с бала. Красота невыносимая! Думаю, затяну-ка ремень да куплю. Веер украсит мое платье. Ну и наш бал. Но на ремне надо было бы удавиться от голода, чтоб приобрести этот веер, ручная роспись по Фрагонару… Чуть не плакала, но пришлось оставить его на прилавке.

– А я, – это заговорила Милена, – тоже в антикварном видела бальный карнет какого-то там забубенного века, с миниатюрным карандашиком, где были записаны все танцы бала и с кем их танцевать. Такая книжечка-миниатюра с удивительными вензелями. До сих пор вздыхаю.

– Что ж ты мне не сказала? – проглотил кусок Северин.

Милена вздохнула.

– Да, – кивнул Хратион, – балы были оказией надеть модные туалеты и фамильные драгоценности. Господа во дворцах, народ на улицах и площадях, особенно во время карнавала. Мода и бал шли рука об руку. Когда платье больше не скрывало дамской щиколотки, на шелковых чулках появились разноцветные вышитые узоры. Это Париж, 1830 годы. О времена, о моды! Стили меняли свои названия. Романтический аристократический, романтический буржуазный или викторианский, еще имперский ампир. И танцы входили в моду и выходили: паван, гавот, менуэт, кадрили, мазурки и прочая.

Арлекинов, при перечислении танцев, принимал позы с фигурами из них. К нему подскочила Геката и стала гротескно делать реверансы в тему.

– Привет от Босха, – помахала им ручкой Харианна.

– Что ж, – хлопнул в ладоши Хратион, – завершаем наш контрданс блюд, заслуживающих почетного места в поваренной книге, и переходим к «Прихоти мистера Бевериджа Маго» – магу контрданса во плоти.

И далее на повышенных обертонах он рассказал историю этого завораживающего танца:

– Он стал лордом балов с конца XVII – начала XVIII века. Можете представить, сколько довелось ему претерпеть редакций за это время… Он вошел в ранг фольклора, а фольклор имеет тысячи воплощений. «Мистер Исаак» – родной брат «Мистера Маго». Танцевать его можно шеренгами, уходящими за горизонт. Сам мистер Беверидж – танцмейстер лондонских салонов первой четверти XVIII века, окутан легендами, подобно Шекспиру, за которым, по всей вероятности, стоял Роджер Рутленд. Общественная танцевальная школа Бевериджа упоминается Недом Вардом в сатире «Прогулка по Айслингтону», а это 1704 год. Скорее всего, он обработал уже существующий танец, а, возможно, наоборот, его танец растащили на цитаты в том же «Мистере Исааке» или еще в «Ever Happy» – «Всегда счастливый», правда, совсем под другую музыку, он описан в сборнике 1728 года.

Все утомились от столь длинной проповеди и переминались с ноги на ногу, как рысаки на старте, но Хратион предпочитал не замечать этого: чем больше человек говорит, по его мнению, тем больше знает. И продолжал:

– Вариант этого воистину захватывающего танца представлен в фильме «Гордость и предубеждение» по роману Джейн Остен и остается визитной карточкой английского Клуба кадрили Эллиса Роджерса. «Мистер Беверидж Магот» танцуется всей свитой, всем околотком, дабы не сказать всем миром. И чем больше народу вовлечено в его не вихрь – течение, тем лучше, и тем больше хочется его танцевать. Узор его, выстраиваемый в квадратных ячейках из двух пар, стоящих в две шеренги, идеально симметричен.

– Семь метричен? – уточнила Харианна.

На нее все оглянулись.

– Простите, послышалось… Симметричный так созвучно семиричности.

– Семиричности – семя личности! – хохотнул Арлекинов.

На него зашикали.

– Так, – продолжил Хратион, – становимся в линии и определяем свой квадрат.

Указания его выполнялись моментально, с веселым воодушевлением.

– Он требует точного знания шагов, поворотов и переходов, – продолжал мэтр. – Начинается с перекрестного обмена местами через правое плечо – crossover – сначала нечетных дам и кавалеров, затем четных, и когда дама с кавалером встречаются повороте в центре этого танцевального перекрестка, у них в распоряжении целая вечность длиной в три мгновения, чтобы обменяться взглядами. И кто знает, для скольких пар этот перекресток стал точкой отсчета в судьбе! Точкой Архимеда! Одним словом, кросс-овер… Почти кроссворд.

Пары разучивали первую фигуру танца под его диктовку.

– Затем дозадо с партнером соседней пары. Та-а-ак, обошли друг друга спиной шагом па-де-буре.

То есть левая нога приставляется к правой и делается переступание, переминание с ноги на ногу – легче показать, чем описать этот шаг или лучше раз увидеть, чем сто услышать. В цикле рисунка одна пара в каре остается постоянной, вторая же постоянно меняется, идет смещение и продвижение на одну пару во встречном потоке. И в завершение все четыре участника каре выстраиваются в ряд, берутся за руки и танцуют волну, нахлынут вперед шагом па-де-буре, отхлынут, нахлынут, отхлынут. Цикл завершен. Рисунок меандра начинается с начала. Количество пар может быть любое, без конца и краю.

Движения, по сути, простейшие, но, как показал, опыт, требующие отличного чувства ориентации в пространстве, равнозначности деятельности правого и левого полушария мозга, которые включаются у каждого собственным биологическим ключом. Харианна растерялась, металась, сбивалась, но с третьего круга внутри, будто щелкнул некий клапан, медленно завертелись шестеренки, задвигались рычаги, произошло некое развитие, давшее внутренний толчок, и она стала повторять фигуру, прежде, чем успевала подумать, куда поставить ногу, кому какую подавать руку. И думала она, осознавала это уже задним числом, по исполнению фигуры. Сие казалось каким-то невероятным чудом, пробуждением, воскресением тела из некой первоначальной или первородной косности. В танце душа летела за телом, а не как в науке, когда душа и тело летят вслед за мыслью. Мыслью танца, пожалуй, была музыка, а музыка – это математика звука. Ах, не зря пассажи Бевериджа встречаются в танце «Вечный счастливчик» – «Ever Happy». Харианна, как и все танцующие сейчас, вкусила и познала это вечное счастье! А вечное не кончается никогда.

Глава 9
По Ра – по солнечным часам

Сейчас салоны – будто привиденья
Иных привычек, золотых эпох…

Время летело птицей, не оставляющей следа в поднебесье. А в жизни людей оно оставляет след их деяний. Харианна уже училась на втором курсе факультета логософии, овладела основными танцами глобального бального набора и уж почти год ездила с «Маской радости» на балы во дворцах, замках, особняках, на виллах, отелях, по курортам, закрытым клубам, богадельням, на площадях, ярмарках, экспозициях не только по регионам, но и по разным странам. Во дворцах и замках всегда были библиотеки, и эти бальные туры параллельно расширяли географию Харианской библиотечный карты.

Совершенно ошеломила величием и великолепием неапольская библиотека Джероламини, сама будто редкостная книга в камне, которую можно читать до бесконечности, листая ее мегазалы и уютные уголки, листать как самую драгоценную рукопись в камне, и только потом приступать к древним свиткам. Библиотека Джероламини (Яроламин) была богаче Сорбонской библиотеки, от которой веяло будуаром. Привела в некоторое замешательство знаменитая швейцарская книготека в Санкт-Галлене: большой темный склеп (*по-польски sklep – магазин,* тут же щелкнуло в мозгу) с низким для такой площади помещения потолком, со шкафами мегабиблий и стеклянным саркофагом с мумией дочери египетского жреца 7 века до н. э. Над входом в нее стояла надпись на греческом ПСИХИС ЯТРИОН (ΨΥΧΗΣ ΙΑΤΡΙΟΝ), бишь, *Лечебница души*; неужели для душевнобольных? Порадовали в ее подземелье обложки из резной слоновой кости и рукопись Нибелунгов 1210 лета, о-о-очень похожая на древнерусские летописи. Но и та под стеклом: никакого контакта с плотью времен – даже эфирного.

Лучше библиотеки может быть лишь библиотека; Харианна подсела на библиотечную иглу: мысленно путешествовала по знаменитым святилищам книги: Клементинуме в Праге с ее загадочными глобусами; строгой библиотеке Кадрингтон, застегнутой на все пуговицы камзола; в Оксфорде, и заодно там же в Бодлианской, одухотворившей фильм о Гарри Поттере, непременно в столице, чьи библиотеки были жемчужинами в жемчужине, то есть в Вене; и снова в Италии: Амброзианской, Брандинезе, Казанатенсе, Святого Флориана, в Болонской университетской. Как было не мечтать о Белорусской национальной или португальской Жуанине, больше похожей на королевский дворец, чем на храм книги. И о библиотеках, описанных Хорхе Луисом Борхесом, в которых никогда не стихает эхо его стихов, образуя из них туннельные аудиоходы в космос. Мысль позволяла путешествовать и в минувшее; легко представлялась Александрийская библиотека, только исчезнувшая не в зареве пожара, а под водой, и хранящаяся там, и видимая, как мир в аквариуме. Сразу сложился термин: хронотелепортация. Эти архипелаги знания и венца знаний – красоты —существовали в любую эпоху, в каждом государстве и уважаемом себя городе. А у адептки факультета логософии всегда имелся в пороховнице замысел для изучения и концепция в разработке. Хотелось не галопом по Европе мчаться, а приехать в одно место, упасть там и не уезжать, пока все досконально не изучишь. Но для этого и семи жизней не хватит. А вот семь десятков, пожалуй, хватило бы. И она согласна прожить их из одной только любознательности. Во-первых, чтобы узнать историю не в том виде, в каком ее подносят, а в том, в каком она есть. Во-вторых, ради достижения мудрости: знать все, как одно, согласно определению Гераклита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.